

Сложение системы причастий в монгольских языках

В монгольских языках глагол, как известно, имеет две основные формы своего существования – личные и неличные формы. Личные формы, их еще называют окончательными, финитными, соотносятся с лицом, субъектом действия и выступают в предложении в качестве сказуемого. В монгольских языках в их число входят формы различных наклонений. К неличным формам, называемым еще неокончательными, инфинитными, относятся формы причастий и деепричастий. Они непосредственно не соотносятся с лицом действия и не могут выступать в качестве форм сказуемого. Оформляя второстепенные, зависимые от главного действия, они позволяют глаголу иметь связь как с именами, так и с наречиями. При этом причастные формы характеризуют, определяют лицо или предмет (в широком понимании смысла этого слова) по действию, которое это лицо или предмет совершает (совершал или будет совершать), либо по действию, которое кто-то другой совершает по отношению к данному лицу или предмету. Ср., например, в монгольском языке: *унасан чулуу* “упавший камень”, но *миний шидсэн чулуу* “мною брошенный камень”. Поэтому причастие в какой-то мере по функции совпадает с прилагательным. Различие между ними лишь в том, что прилагательное определяет предмет по внешним признакам и по внутренним свойствам, качествам, а причастие определяет по действию, выражая так называемое процессное определение. Поскольку же действие связано с категорией времени, то и причастные формы отражают эту категорию. Кроме того, поскольку в основах глаголов монгольских языков находят свое выражение залого и виды, формы способа действия, переходность и непереходность, активность и пассивность, то они сохраняются и в неличных формах.

Деепричастие характеризует другое действие через действие. При этом другое действие может либо сопровождать основное действие, либо выражать различные обстоятельства совершения главного действия, связанные с другим, второстепенным действи-

А
ем. В этой своей функции деепричастие соотносится с наречием, сохраняя в то же время все глагольные признаки.

Роль неличных форм в монгольских языках более разнообразна и значительна, нежели в русском языке. На этих формах, например, построен весь синтаксис монгольских языков. Ввиду их большой важности необходимо глубже и подробнее вникнуть не только в их грамматическую сущность и их синтаксические функции, но и проследить, как складывались в монгольских языках сами системы этих форм, а также то, как формировалось в монголоведении понимание сущности и специфики, статус данных форм, какую эволюцию в истории монголоведения претерпело это понимание [12, с. 299–306].

В данной статье хотелось бы подробнее остановиться на всех этих проблемах, связанных с причастиями монгольских языков.

Рассмотрим вначале историю понимания сути причастных форм в монголоведении, то, как складывалось трактование системы этих форм.

И. Я. Шмидт в своей первой в истории монголоведения научной грамматике монгольского языка не делит глагольные формы на личные и неличные [22, S. 54–67]. Он включает причастие, деепричастие, а также выделяемый им инфинитив в состав наклонений, которых насчитывает в монгольском глаголе восемь: кроме этих трех указанных еще пять – индикатив (изъявительное), кондиционалис (условное), потенциалис или оптатив (возможностное или желательное), прекатив (просительное) и императив (повелительное). При этом к причастиям он относит только две формы: причастие настоящего времени на *-гчи* (*ябугчи* “идуший”, *хамуг-и даругчи* “всепобеждающий”) и причастие прошедшего времени на *-гсан* (*абугсан* “получивший”, *ирэгсэн* “пришедший”). И. Я. Шмидт находит в монгольском языке еще учащую форму (фреквентатив) на *-даг*, которую он помещает в индикативе и называет 2-м презенсом (*би аха-ача мөнгүү абдаг* “я обычно беру деньги у брата”; *сөнү-дүр умтадаг* “ночью обычно спят”). Формы причастия и фреквентатива на *-даг* склоняются.

Таким образом, И. Я. Шмидт находил в монгольском языке только два причастия. Примечательно, что он помещал их в составе наклонений, не заметив при этом причастной сущности

формы на *-даг*. Кроме того, следуя традиции европейских языков, он выделил в монгольском языке инфинитив и отнес к нему форму на *-ху*, понимаемую сейчас как причастную будущего времени. Видимо, именно от И. Я. Шмидта идет в монголоведении традиция считать монгольскую форму на *-ху* инфинитивом и так подавать ее в словарях и грамматиках.

Александр Бобровников, издавший свою грамматику монгольского языка лишь на 4 года позже грамматики И. Я. Шмидта, посвятил причастиям и деепричастиям специальную главу [3, с. 73–76]. По его мнению, “...причастие есть имя прилагательное, заключающее в себе силу глагола”. В отличие от Шмидта Александр Бобровников более точно определил в своем понимании природу причастий монгольского языка, выделив среди них три времени: настоящее (на *-гчи*), прошедшее (на *-гсан*) и будущее (на *-ху*), а также 2 числа: единственное и множественное (*-гчид*, *-гсад*, *-ху нугуд*). Например: *агчи* “сущий” – *агчид* “сущие”, *хайагсан* “бросивший” – *хайагсад* “бросившие”, *аху* “имеющий быть” – *аху нугуд* “имеющие быть”. Кроме того, он выделяет у причастий многократный вид, образуемый окончанием *-даг* (ср. у Шмидта 2-й презенс индикатива на *-даг*), не выражающий при этом ни времени, ни числа, например: *хайадаг* “бросающий (многократно)”, *эргүдэг* “возносящий (многократно)”.

Очень существенно и, кстати, весьма современно звучат его замечания о природе монгольских причастий:

« § 74. Причастия вообще относятся к двум состояниям: к склоняемому и спрягаемому. 1. В склоняемом состоянии они употребляются как имена прилагательные, т. е. заимствуют числа и падежи от своих существительных, следующих за ними, например: *бичигсэн шаби-йи* “писавшего ученика”, *бичигсэн шабинартур* “писавшим ученикам” (здесь А. Бобровников совершенно ошибочно исходит из русского перевода. – Авт.). Но когда принимаются они вместо имен существительных, или когда оные подразумеваются, тогда склоняются по примерам имен существительных (ср. современное понимание субстантивации причастий. – Авт.). 2. В спрягаемом состоянии они заменяют глагол, когда бывают полагаемы после своих существительных или местоимений в единственном числе и когда принимают после себя

вспомогательные глаголы и другие частицы, например: *тэрэ бичигчи* “он пишет”, *тэрэ ирэдэг булугэ* “он прихаживал”, *мину ирэгсэн-дур* “когда я пришел”.

§ 75. Формы или залогии причастий суть те же, какие исчисляны при рассмотрении глаголов, например: *абугчи* “берущий”, *абхулугчи* “понуждающий брать”, *абтагчи* “взимаемый”, *абуллагчи* “вместе берущий”, *абчагагчи* “побирающий”.

§ 76. Особенно при причастиях в склоняемом состоянии примечать должно:

1) Причастия, происходящие от глаголов действительных, остаются без всякой перемены в залогах действительном и страдательном:

а) действительными они бывают тогда, когда стоят перед именем действующего предмета, например: *хайагсан хубэгу* “бросивший мальчик”, *төрүгсэн эхэ* “родившая мать”, *бичигсэн шаби* “писавший ученик”;

б) страдательными они бывают тогда, когда предшествуют имени того предмета, на который обращается действие, например: *хайагсан чилагун* “брошенный камень”, *төрүгсэн хэүхэн* “рожденное дитя”, *бичигсэн чагасу* “писанная бумага”.

2) Когда страдательным причастием без существительного имени выражается целый род предметов, тогда оно имеет следующее окончание: *үдэжэгдэхүн* “видимое”, *хэрэглэгдэхүн* “употребляемое» [3, с. 73–75].

Совершенно иначе рассматривал неличные формы монгольского глагола Алексей Бобровников, который разделил спрягаемые формы глагола на простые и сложные, а простые в свою очередь на окончательные и неокончательные. При этом окончательные формы употребляются в конце периода или предложения (ср. современное название “финитные формы”, “личные формы”. – Авт.), а неокончательные (ср. современное их название “инфинитные формы”, “неличные формы” – Авт.) “... могут употребляться только в середине периода или предложения. В окончательных формах полагаются глаголы, управляющие периодом или предложением, а в формах неокончательных полагаются глаголы или служащие к дополнению смысла окончательного глагола, – излагающие, например, обстоятельства главного дей-

ствия, условия, причины, цель и тому подобное, или определяющие (в качестве русских вводных предложений с местоимением *который*) понятия, заключающиеся в предложении” [4, с. 129–130].

О делении неокончательных форм он пишет: “Формы неокончательные двух родов: одни из них показывают отношение действия к действующему субъекту – причастия, другие показывают отношение действий между собой – деепричастия” [4, с. 135]. Здесь мы видим в принципе современное понимание природы неличных форм, в том числе и причастий.

Алексей Бобровников разделяет причастия по выражению в них категории времени на причастия настоящие, прошедшие и будущие. Всего он выделяет в монгольском языке 7 причастий:

1) настоящее однократное, образуемое через наращение *-гчи*: *йабугчи* “ходящий”, *ирэгчи* “приходящий”;

2) настоящее многократное, образуемое наращением *-даг*, *-дэг*: *йабудаг* “ходящий, имеющий обыкновение ходить”, *ирэдэг* “приходящий, имеющий обыкновение приходить”;

3) прошедшее оконченное, образуемое посредством *-гсан*, *-гсэн*: *олугсан* “нашедший”, *ирэгсэн* “пришедший”;

4) прошедшее неоконченное, образуемое посредством *-га*, *-гэ*: *абуга* “взявший”, *ирэгэ* “пришедший”;

5) давнопрошедшее, образуемое через наращение *-гасан*, *-гэсэн*: *абугасан* “когда-то взявший”, *ирэгэсэн* “когда-то пришедший”;

6) причастие неопределенное или будущее, образуемое посредством наращения *-ху*, *-хү* (*-хун*, *-хүн*): *олху* “имеющий найти, могущий найти”, *ирэхү* “имеющий прийти”;

7) причастие на *-ма*, *-мэ* или *-м*, употребляемое только при описании величины и расстояния предметов, например: *годоли харбум гаджар-а* “на расстоянии выстрела стрелой” [4, с. 136–139].

Если мы сравним, как рассматривали причастные формы И. Я. Шмидт и Бобровниковы, то увидим, что за те 18 лет, что прошли с момента выхода грамматики Шмидта до грамматики Алексея Бобровникова, произошла быстрая эволюция взглядов монголоведов на природу и состав причастий. Взгляды Алексея